

- [Бодлер Шарль](#)

-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Бодлер Шарль

Падаль

Шарль Бодлер

Падаль

Сказать, что Бодлер в России - больше, чем Бодлер, было бы, разумеется, преувеличением, и все-таки французский поэт не только прочно вошел в русскую культуру, но и стал в ней фигурой почти мифологической. Судьба русского Бодлера более всего напоминает судьбу русского Байрона: чем один был для золотого века, тем другой стал для серебряного.

Проникновение Бодлера в Россию началось в последней четверти XIX века. Если принять за начало этого процесса публикацию первых переводов в толстых журналах, а концом считать выход полных русских "Цветов Зла" (1907- 1908), то в нем можно с некоторой долей условности выделить два этапа - досимволистский и символистский.

Разумеется, Бодлера переводили и после символистов. На протяжении всего XX века он привлекал внимание переводчиков, как и любой другой европейский классик. Особо следует отметить труд Вильгельма Левика, который перевел в общей сложности около четверти "Цветов Зла" - некоторые его версии по сей день остаются непревзойденными, - а также знаменитое "Плаванье" Марины Цветаевой и переводы ее дочери Ариадны Эфрон. Тем не менее эпоха, последовавшая за серебряным веком, практически ничего не прибавила к уже сложившемуся в России образу Бодлера как отца и мученика новой поэзии.

Первый этап освоения Бодлера начался в 60-х годах XIX века и продолжался приблизительно до начала XX . В это время его переводили в основном суровые революционеры-демократы - такие, как Николай Курочкин, брат знаменитого переводчика Беранже Василия Курочкина, Дмитрий Минаев и Петр Якубович. Они увидели в Бодлере прежде всего певца угнетенного пролетариата (основываясь главным образом на циклах "Парижские картины" и "Мятеж"), чем отчасти и объясняется их пристрастие к французскому декаденту.

В этом контексте особняком стоит фигура Петра Якубовича-Мельшина, первого серьезного переводчика Бодлера. В начале 80-х годов прошлого века Якубович возглавлял петербургскую организацию

"Народной воли", в 1884 году был арестован. Суд приговорил его к смертной казни через повешение, замененной позже восемнадцатью годами каторги. В Сибири стойкий революционер и перевел большую часть "Цветов Зла". Именно в его переводе в 1895 году пятьдесят три стихотворения Бодлера впервые были изданы в России отдельной книжкой. В предисловии ко второму, расширенному изданию 1909 года он защищает Бодлера одновременно от декадентов, названных им "школой кривляющихся поэтов", и косвенно - от собратьев по революционной борьбе: Якубович специально подчеркивает отсутствие в книге "крикливого отдела "Revolte" ("Мятеж)". Его собственное отношение к Бодлеру лучше всего сформулировано в том же предисловии:

"С 1879 г. начали печататься (в журнале "Слово") мои первые переводы из Бодлера, но главная работа была сделана мною значительно позже (1885-1893), в Петропавловской крепости, на Каре и в Акатуе. Бодлер являлся для меня в те трудные годы другом и утешителем, и я, со своей стороны, отдал ему много лучшей сердечной крови...

Кончив свой труд и мечтая об его издании отдельной книгой, я, между прочим, писал тогда в проектируемом предисловии:

В те дни, когда душа во тьме ночей бессонных
Славолюбивых грез и дум была полна,
Из сонма чуждых муз, хвалой превознесенных,
Одна явилась мне, прекрасна и бледна.

.....:.....

...И повела меня крылатая подруга
По склепам гробовым, по мрачным чердакам,
По сферам странных грез, бессильного недуга,
Паренья гордого к высоким небесам.
И все дала понять: зачем любить до боли
Ей сладко то, что свет насмешкою клеймит,
А то, что видит он в лучистом ореоле,
Такую желчь и скорбь в душе ее родит!.."

Якубович, несмотря на то что его переводы хронологически принадлежали к Серебряному веку и выходили с предисловием Бальмонта, был человеком другого, старшего поколения и воспринимал Бодлера в наивно-романтическом ключе (такой взгляд, кстати, разделял и М. Горький). Совсем иначе отнеслись к "Цветам Зла" младшие современники Якубовича. Для них Бодлер становится объектом восторженного поклонения. В первом десятилетии нашего века выходят три полных перевода "Цветов Зла": А. Панова (1907), А. Альвинга (1908) и Элліса

(1908), не говоря уже о многочисленных переводах отдельных стихотворений, публиковавшихся Брюсовым, Бальмонтом, Мережковским, Анненским, Вяч. Ивановым... Каноническими для того времени надо считать, безусловно, переводы Льва Кобылинского (литературный псевдоним - Эллис), который был воистину проповедником и пророком Бодлера - таким рисует его в своей книге "Начало века" Андрей Белый.

Почему же именно Бодлер стал кумиром русских декадентов на рубеже столетий, затмив других французских поэтов, которых Поль Верлен назвал "проклятыми", имея в виду проклятье непризнанности и трагического одиночества, - Нерваля, Лотреамона, Рембо, самого Верлена? По всей видимости, объясняется это не только силой его таланта, но и тем, что именно он постулировал и всей своей жизнью доказал, что причина его отверженности не в сложном характере, не в случайных неудачах, а в самой природе его гения. "Больная муза" Бодлера стала Пифией новой поэзии, заявившей, что царство ее - anywhere out of the world. Огромное значение приобрел и факт осуждения "Цветов Зла" судом Второй империи. Все это лишний раз подтверждает упомянутое сходство исторической роли в российской словесности Байрона и Бодлера. Ведь и Байрон был, по сути, настоящим "проклятым поэтом" - в силу своего мрачного дарования и трагической биографии. Именно в этом заключалось его обаяние для русской и европейской молодежи; тогда же впервые возникло и утвердилось в умах существующее сейчас на правах общего места представление о судьбе поэта как о непременной трагедии: в роли поэта *par excellence* Овидий постепенно заслонял Горация, Тассо - Петрарку, Шенье - Расина и т. д. Так же, как обаяние имени Байрона способствовало утверждению романтизма в русской поэзии, так культ Бодлера ознаменовал наступление эпохи символизма.

В восприятии Эллиса и его современников наиболее полным и совершенным воплощением бодлеровского гения, его квинтэссенцией была знаменитая "Пададь" ("Une Charogne"). Бодлер являлся для них в первую очередь автором "Падали"; ни одно другое стихотворение, русское или иностранное, классическое или современное, не упоминалось и не цитировалось в то время так часто.

Содержание "Падали" достаточно просто: первые девять четверостиший посвящены детальному описанию разлагающегося трупа, в последних трех поэт, обращаясь к своей возлюбленной, говорит о том, что и ей суждено истлеть в земле, но она останется в его стихах и силой его дара избежит забвения. Эта мысль, восходящая к знаменитой оде Горация, разумеется, не нова. Однако суть "Падали" несводима к ее заключительной

строфе: воспринимать эти стихи как очередную импровизацию на тему *vita brevis, ars longa* было бы наивно. Тем не менее были и вполне анекдотические попытки переводить "Падаль" именно в таком традиционном духе. Так, у А. Панова последние три строфы выглядят следующим образом:

И что же? Ты станешь вот тем же, моя дорогая,
Такою же падалью будешь и ты,
Мой ангел прелестный, любовь моя, радость святая,
Звезда моей жизни, создание мечты!
Да! Будешь ты тем же! Я вижу, как ты, разлагаясь,
Царица прелестных восторженных грез,
В холодную землю ты ляжешь, со смертью венчаясь,
Сгниешь под гирляндами сорванных роз:
Тогда о скажи тем червям, что твои поцелуи
Есть будут, скажи им, моя красота,
Что помнить я буду подругу свою дорогую,
Что в Смерти жива дорогая Мечта!

Более сложную - в духе символизма - интерпретацию этого произведения предлагал Эллис. В изложении Андрея Белого она звучит так: "...в центре сознания - культ мечты, непереносимой в действительность, которая - падаль-де; она - труп мечты". Такое прочтение в какой-то степени верно отражает мировоззрение Бодлера, хотя сам перевод Эллиса и не пришелся А. Белому по вкусу: как он язвительно замечает, "Кобылинский читал <...> "Падаль" в плохом переводе своем; в нем Бодлера и не было..." Это суждение сейчас представляется чрезмерно строгим; впрочем, перевод Эллиса публикуется ниже, и читатель может судить о нем сам.

У русских декадентов существовал настоящий культ необычных и маниакально-острых ощущений, так называемых "мигов", как главного объекта поэтического изображения. Наивысшей удачей считалось вместить в классически совершенную форму самые тонкие и невиданные прежде оттенки чувства, мысли, впечатления, описать то, что никогда еще не было описано в стихах и не мыслилось как возможный предмет лирического описания. И в этом Бодлер им необычайно близок.

"Поэт "Цветов Зла", - пишет Теофиль Готье, - любил то, что ошибочно называется стилем декаданса и есть не что иное, как искусство, достигшее той степени крайней зрелости, которая находит свое выражение в косых лучах заката дряхлеющих цивилизаций: стиль <...> усиливающийся передать мысль в самых ее неуловимых оттенках, а формы в самых

неуловимых очертаниях: он чутко внимает тончайшим откровениям невроза, признаниям стареющей и извращенной страсти, причудливым галлюцинациям навязчивой идеи, переходящей в безумие. Этот "стиль декаданса" - последнее слово языка, которому дано все выразить и которое доходит до крайности преувеличения".

То, что Бодлеру удалось расширить область поэтического, внеся аполлоническую гармонию в изображение гниющего трупа, не могло не привести в восторг русских декадентов. "Падаль" породила бесчисленные подражания, вызвала к жизни новое литературное веяние, суть которого можно обозначить строчкой из песни А. Вертинского "Полукровка": "Я могу из падали создавать поэмы".

Вот, к примеру, такие строки:

Весна

На весенней травке падаль:

Остеклевшими глазами

Смотрит в небо, тихо дышит,

Забеременев червями.

Жизни новой зарожденье

Я приветствую улыбкой,

И алеют, как цветочки,

Капли сукровицы липкой.

Это стихотворение 1908 года, включенное автором в цикл "Цветочки с пустыря", принадлежит А. И. Тинякову (1886- 1934), одному из любопытнейших персонажей того времени. Недаром об этом незначительном стихотворце осталось столько воспоминаний: о нем пишут Ходасевич, Зощенко, ему посвящены рассказы Георгия Иванова "Человек в рединготе" и "Александр Иванович". Своей жизнью и стихами одаренный неудачник, поклонявшийся Бодлеру, пытался воплотить образ "проклятого поэта", что оборачивалось на практике жестокой пародией черносотенными статьями и (согласно Г. Иванову) службой в ЧК.

Другой пример: стихотворение С. В. Киссина (1885- 1916), носившего в кругу друзей прозвище Муни, близкого друга В. Ходасевича, фигурирующего в его воспоминаниях. В безупречных терцинах он описывает разлагающийся женский труп - образ, навеянный осенним пейзажем. Заканчиваются стихи так:

Вороны гимн поют ее красе.

Такой ты будешь поздно или рано,

Таковыми - рано ль, поздно - будем все.

Чу! Крик ворон ты слышишь из тумана.

1913

Кроме этих прямых подражаний "Падали" можно привести строки других поэтов, отмеченные, по-видимому, ее влиянием:

...Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.

(В. Ходасевич. "Не матерью, но тульской крестьянкой...", 1917, 1922)

Листья падали, падали, падали,
И никто им не мог помешать.

От гниющих цветов, как от падали,
Тяжело становилось дышать...

(Г. Иванов "Листья падали, падали, падали...", 1955)

Все эти отрывки - хотя они принадлежат разным поэтам - объединяет способ достижения поэтического эффекта и самый характер последнего. Тема гниения возникает, как правило, в связи с каким-либо традиционно "высоким" лирическим атрибутом - будь то весна, возлюбленная, цветы или небесная твердь ("Нельзя дышать, и твердь кишит червями" - О. Мандельштам. "Концерт на вокзале" 1921). Можно предположить, что эти оксюморонные сочетания, восходящие прямо или косвенно к бодлеровской "Падали", были отчасти и образным воплощением ницшеанского "Бог умер", еще воспринимавшегося как откровение. Философской абстракции стихи придавали силу физического ощущения, острого и мучительного, лежащего в основе многих произведений декаданса, проникнутых духом сомнения и разочарования в традиционных ценностях.

У самого Бодлера образ разложения связан в данном случае с темой любви, причем любовь идеальная и любовь земная - понятия для него принципиально разные. В качестве объекта последней он мог, по его собственному утверждению, воспринимать только дочь природы, не испорченную цивилизацией. В жизни воплощением этого мифа стала мулатка Жанна Дюваль. Одна из наиболее характерных легенд, связанных с именем Бодлера, - его пресловутый "культ черной Венеры", которой посвящено восемнадцать стихотворений из "Цветов Зла".

В этих стихах Бодлер описывает "земную" любовь как некое роковое наваждение, а предмет ее - как черствое создание, полное животного вожделения, не знающее возвышенных чувств, как вампира, поглощающего лучшие душевные силы поэта. И - одновременно - как ангела, как светлый идеал, оазис роскошной и безмятежной тропической природы в мире городских трущоб. Эта двойственность проистекает не от парадоксальной

логики единства противоположностей. "Величье низкое, божественная грязь", "И темная, и брызжущая светом" - так называет Бодлер свою любовь, и таково его восприятие любви вообще, точнее - "земной" любви.

Ключом к этому пониманию любви служит неявная дихотомия Жизнь - Искусство, легко угадываемая в стихах о Жанне Дюваль (и во многих других). Это противопоставление лежит в основе поэтического мировоззрения Бодлера. К царству Жизни относятся такие понятия, как любовь, природа, желания и страсти; в сознании Бодлера всему этому сопутствует навязчивый образ тления. К царству Искусства относится все прекрасное, но под прекрасным здесь подразумевается только то, что порождено человеческим гением. В свой мир Бодлер старается не допускать и малейшего признака Жизни. "Этот город стоит у воды; говорят, он построен из мрамора, а народ там так ненавидит растительность, что вырывает все деревья. Вот пейзаж в твоём вкусе; пейзаж, созданный из света, и камня, и воды, чтобы их отражать!" - так обращается он в одном из стихотворений в прозе к своей душе. Однако искусство, противопоставленное природе как нечто высшее, становится синонимом искусственности. За ним стоит не Жизнь, а Смерть.

Как ни странно, разложение в этой системе - не свойство Смерти, а, наоборот, апофеоз Жизни. Описание гниющих останков в "Падали" - это, как нетрудно заметить, описание всевозможных форм Жизни, своеобразный гимн ее неистребимости. Невозможность смерти - вот что более всего пугает поэта в его роковой любви:

Ты ждешь спокойствия и мира?
Глупец! - Ты сам вернешься в ад;
Твои лобзанья воскресят
Труп умерщвленного вампира!
("Вампир". Перевод М. Донского)

Отношение Бодлера к жизни и любви лучше всего можно определить христианскими понятиями "соблазн", "искушение", "прелесть"; к ним оно, вероятно, и восходит. Жизнь во всех ее формах служит для поэта источником неодолимого притяжения, приобретающего силу страсти. Но соблазн этот греховен, поскольку поэт - служитель Прекрасного и Вечного, того, чему нет места в жизни. Бодлер так говорит о своей губительной привязанности:

Чудовище, с кем связан я,
Как горький пьяница с бутылкой,
Как вечный каторжник с ядром,
Как падаль с червяком могильным...

(там же)

И в другом месте:

...горда собой, на землю ты пришла,

Чтоб темный замысел могла вершить Природа

Тобою, женщина, позор людского рода,

- Тобой, животное! - над гением глумясь.

("Ты на постель свою весь мир бы привлекла...". Перевод В. Левика)

В стихах, обращенных к Жанне, поэт постоянно переходит от обожания к ненависти и наоборот. В бесчувственности своей подруги он видит свойство то ли высшей красоты, то ли животного. В одном стихотворении он говорит:

Я всю, от черных кос до благородных ног,

Тебя любить бы мог, обожествлять бы мог,

Все тело дивное обвить сетями ласки,

Когда бы ввечеру, в какой-то грустный час,

Невольная слеза нарушила хоть раз

Безжалостный покой великолепной маски.

("С еврейкой бешеной простертый на постели...". Перевод В. Левика)

А в другом:

О, жестокая тварь! Красотою твоей

Я пленяюсь тем больше, чем ты холодней.

("Я люблю тебя так, как ночной небосвод...". Перевод В. Шора)

Без конца повторяющиеся оскорбления и проклятия кажутся заклинаниями, призванными развеять дьявольский морок. Этой же жаждой освобождения объясняется и навязчивая идея гниения как оборотной стороны всего живого, любой нерукотворной красоты. Когда поэт, знающий, что его долг - стремиться "куда угодно за пределы мира", чувствует, что Жизнь неодолимо притягивает его, он закрывает глаза и представляет себе ее наивысший триумф - полчища червей, пожирающих прекрасное тело, возврат его к Природе: "прах ты, и в прах возвратишься".

Итогом этого противоречия и стало в каком-то смысле стихотворение "Падаль". В нем Бодлер обещает вырвать у Жизни, у тления то прекрасное и отмеченное знаком Красоты, что заставляло его стремиться к этой женщине, отдав на откуп червям ее животное начало. Лишь проведя свою подругу сквозь это своеобразное чистилище, поэт может поместить ее в область прекрасного царство Смерти; без помощи поэта ей не вырваться из вечного жизненного круговорота. Потому что где-то в глубине сознания Бодлер твердо знает: Красота - это Смерть. Лишь то нетленно, что мертво. Гимн Красоте и гимн Смерти в его книге переплетены так тесно, что

невозможно отличить одну от другой. Именно к Смерти в конечном счете и обращены "Цветы Зла", заканчивающиеся знаменитой мольбой:

Смерть! Старый капитан! В дорогу! Ставь ветрило!

Нам скучен этот край! О Смерть, скорее в путь!

Пусть небо и вода - куда черней чернила,

Знай - тысячами солнц сияет наша грудь!

Обманутым пловцам раскрой свои глубины!

Мы жаждем, обозрев под солнцем все, что есть,

На дно твое нырнуть - Ад или Рай - едино!

В неведомого глубь - чтоб новое обрести!

("Плавань" Перевод М. Цветаевой)

О переводах "Падали"

В течение столетия с лишним, прошедшего с тех пор, как стихи из "Цветов Зла" впервые появились на русском языке, "Падали" переводилась как минимум девять раз. За недостатком места мы вынуждены ограничиться пятью переводами: первые два (Якубовича и Эллиса) стали итоговыми для двух периодов освоения Бодлера русской поэтической культурой и - в некотором роде - уже вошли в ее историю; последние два, напротив, созданы в 1999 и 2000 годах и печатаются впервые. С переводами "Падали", публиковавшимися в России и Советском Союзе, можно ознакомиться по следующим изданиям:

Ш. Бодлэр. Цветы Зла. Перевод А. А. Панова. СПб., 1907.

Ш. Бодлэр. Цветы Зла. Перевод А. Альвинга. СПб., 1908.

Ш. Бодлэр. Цветы Зла. Перевод Эллиса. М., 1908.

Бодлер. Цветы Зла. Перевод П. Якубовича-Мельшина. СПб., 1909.

С. Головачевский. Стихотворения. М., 1900.

Ш. Бодлер. Цветы Зла. Переводы В. Левика и С. Петрова. М., 1970.

И. Б.

UNE CHAROGNE

Rappelez-vous l'objet que nous vimes, mon ame,

Ce beau matin d'ete si doux:

Au detour d'un sentier une charogne infame

Sur un lit seme de cailloux,

Les jambes en l'air, comme une femme lubrique,

Brulante et suant les poisons,

Ouvrait d'une facon nonchalante et cynique

Son ventre plein d'exalaisons.

Le soleil rayonnait sur cette pourriture,

Comme afin de la cuire a point,

Et de rendre au centuple a la grande Nature
Tout ce qu'ensemble elle avait joint;
Et le ciel regardait la carcasse superbe
Comme une fleur s'epanouir.
La puanteur etait si forte, que sur l'herbe
Vous crutes vous evanouir.
Les mouches bourdonnaient sur ce ventre putride,
D'ou sortaient de noirs bataillons
De larves, qui coulaient comme un epais liquide
Le long de ces vivants haillons.
Tout cela descendait, montait comme une vague,
Ou s'elancait en petillant;
On eut dit que le corps, enfle d'un souffle vague,
Vivait en se multipliant.
Et ce monde rendait une etrange musique,
Comme l'eau courante et le vent,
Ou le grain qu'un vanneur d'un mouvement rythmique
Agite et tourne dans son van.
Les formes s'effacaient et n'etaient plus qu'un reve,
Une ebauche lente a venir,
Sur la toile oubliee, et que l'artiste acheve
Seulement par le souvenir.
Derriere les rochers une chienne inquiete
Nous regardait d'un oeil fache,
Epiant le moment de reprendre au squelette
Le morceau qu'elle avait lache.
- Et pourtant vous serez semblable a cette ordure,
A cette horrible infection,
Etoile de mes yeux, soleil de ma nature,
Vous, mon ange et ma passion!
Oui! telle vous serez, o la reine des graces,
Apres les derniers sacrements,
Quand vous irez, sous l'herbe et les floraisons grasses,
Moisir parmi les ossements
Alors, o ma beaute! dites a la vermine
Qui vous mangera de baisers,
Que j'ai garde la forme et l'essence divine
De mes amours decomposes!
("Les Fleurs du mal", 1857)

Падаль

Было ясное утро. Под музыку нежных речей
Шли тропинкою мы; полной грудью дышалось.
Вдруг вы вскрикнули громко: на ложе из жестких камней
Безобразная падаль валялась...
Как бесстыдная женщина, нагло вперед
Обнаженные ноги она выставляла,
Открывая цинично зеленый живот,
И отравой дышать заставляла...
Но, как будто на розу, на остов гнилой
Небо ясно глядело, приветно синее!
Только мы были хмуры, и вы, ангел мой,
Чуть стояли, дрожа и бледнея.
Рои мошек кружились вблизи и вдали,
Неприятным жужжаньем наш слух поражая;
Вдоль лоскутьев гнилых, извиваясь, ползли
И текли, как похлебка густая,
Батальоны червей... Точно в море волна,
Эта черная масса то вниз опадала,
То вздымалась тихонько: как будто она
Еще жизнью смутной дышала.
И неслась над ней музыка странная... Так
Зерна хлеба шумят, когда ветра стремленьем
Их несет по гумну; так сбегает в овраг
Говорливый ручей по камням.
Формы тела давно уже были мечтой,
Походя на эскиз, торопливо и бледно
На бумагу набросанный чьей-то рукой
И закинутый в угол бесследно.
Из-за груды камней на смрадный скелет
Собачонка глядела, сверкая глазами
И как будто смакуя роскошный обед,
Так не вовремя прерванный нами...
И однако и вам этот жребий грозит
Быть таким же гнилым, отвратительным сором,
Вам, мой ангел, с горячим румянцем ланит
С вашим кротко мерцающим взором!
Да, любовь моя, да, мое солнце! Увы,
Тем же будете вы... В виде столь же позорном,

После таинств последних, уляжетесь вы
Средь костей, под цветами и дерном.
Так скажите ж червям, что сползутся в свой срок
Пожирать ваши ласки на тризне ужасной,
Что я душу любви моей мертвой сберег,
Образ пери нетленно-прекрасный!

Падаль

Скажи, ты помнить ли ту вещь, что приковала
Наш взор, обласканный сияньем летних дней,
Ту падаль, что вокруг зловонье изливала,
Труп, опрокинутый на ложе из камней.
Он, ноги тощие к лазури простирая,
Дыша отравую, весь в гное и в поту
Валялся там и гнил, все недра разверзая
С распутством женщины, что кажет наготу.
И солнце жадное над падалью сверкало,
Стремясь скорее все до капли разложить,
Вернуть Природе все, что власть ее соткала,
Все то, что некогда горело жаждой жить!
Под взорами небес, зловонье изливая,
Она раскинулась чудовищным цветком,
И задыхалась ты - и, словно неживая,
Готовилась упасть на свежий луг ничком.
Неслось жужжанье мух из живота гнилого,
Личинок жадные и черные полки
Струились, как смола, из остова живого,
И, шевелясь, ползли истлевшие куски.
Волной кипящею пред нами труп вздымался;
Он низвергался вниз, чтоб снова вырастать,
И как-то странно жил и странно колыхался,
И раздувался весь, чтоб больше, больше стать!
И странной музыкой все вокруг него дышало,
Как будто ветра вздох был слит с журчаньем вод,
Как будто в веялке, кружась, зерно шуршало
И свой ритмический свершало оборот.
Вдруг нам почудилось, что, пеленою черной
Распавшись, труп исчез, как побледневший сон,
Как контур выцветший, что, взору непокорный,
Воспоминанием бывает довершен.

И пес встревоженный, сердитый и голодный,
Укрывшись за скалой, с ворчаньем мига ждал,
Чтоб снова броситься на смрадный труп свободно
И вновь глотать скелет, который он глодал.
А вот придет пора - и ты, червей питая,
Как это чудище, вдруг станешь смрад и гной,
Ты - солнца светлый лик, звезда очей золотая,
Ты - страсть моей души, ты - чистый ангел мой!
О да, прекрасная - ты будешь остов смрадный,
Чтоб под ковром цветов, среди сумрака могил,
Среди костей найти свой жребий безотрадный,
Едва рассеется последний дым кадил.
Но ты скажи червям, когда без сожаленья
Они тебя пожрут лобзанием своим,
Что лик моей любви распавшейся из тленья
Воздвигну я навек нетленным и святым!
Падаль
Вы помните ли то, что видели мы летом?
Мой ангел, помните ли вы
Ту лошадь дохлую под ярким белым светом,
Среди рыжеющей травы?
Полуистлевшая, она, раскинув ноги,
Подобно девке площадной,
Бесстыдно, брюхом вверх лежала у дороги,
Зловонный выделяя гной.
И солнце эту гниль палило с небосвода,
Чтобы останки сжечь дотла,
Чтоб слитое в одном великая Природа
Разъединенным приняла.
И в небо щерились уже куски скелета,
Большим подобные цветам.
От смрада на лугу, в душистом зное лета,
Едва не стало дурно вам.
Спеша на пиршество, жужжащей тучей мухи
Над мерзкой грудой вились,
И черви ползали и копошились в брюхе,
Как черная густая слизь.
Все это двигалось, вздымалось и блестело,
Как будто, вдруг оживлено,

Росло и множилось чудовищное тело,
Дыханья смутного полно.
И этот мир струил таинственные звуки,
Как ветер, как бегущий вал,
Как будто сеятель, подъявляя плавно руки,
Над нивой зерна развевал.
То зыбкий хаос был, лишенный форм и линий,
Как первый очерк, как пятно,
Где взор художника провидит стан богини,
Готовый лечь на полотно.
Из-за куста на нас, худая, вся в коросте,
Косила сука злой зрачок,
И выжидала миг, чтоб отхватить от кости
И лакомый сожрать кусок.
Но вспомните: и вы, заразу источая,
Вы трупом ляжете гнилым,
Вы, солнце глаз моих, звезда моя живая,
Вы, лучезарный серафим.
И вас, красавица, и вас коснется тленье,
И вы сгниете до костей,
Одетая в цветы под скорбные моленья,
Добыча гробовых гостей.
Скажите же червям, когда начнут, целуя,
Вас пожирать во тьме сырой,
Что тленной красоты - навеки сберегу я
И форму, и бессмертный строй.
Падаль
Мы видели ее в один из летних дней
Мой друг, напоминать вам надо ль?
Тропинка, поворот - и там, среди камней,
Та отвратительная падаль,
Потея ядами, задравши ноги ввысь,
Как уличная потаскуха,
Бесстыдно разлеглась, и источало слизь
Ее чудовищное брюхо.
А солнце с высоты палило эту гниль,
Чтоб вновь в Природе раствориться
Все собранное здесь могло, распавшись в пыль
И возвращаясь к ней сторицей;

Лазурный свод глядел, на сей надменный труп,
Что гнойным расцветал бутоном.
Так вонь была сильна, что миг - и на траву б,
Сомлев, осели вы со стоном.
В том смрадном воздухе гудели мух рои
Над брюхом, извергавшим массы
Личинок, что ползли, как жирные струи
По оживавшему каркасу.
Вздымаясь, через миг спадала, как волна,
Слегка пузырясь, слизь густая
Казалось, смутного дыхания полна,
Плоть оживала, возрастая.
И этот мир звучал, как ветер, как ручей,
Музыкою нерукотворной:
Так веялка звучит, когда крестьянин в ней
Ритмично встряхивает зерна.
Неясны делались размытые черты,
Как светотени переливы,
Что, в спешке набросав, лишь силою мечты
Закончил мастер прихотливый.
Поодаль, среди камней, облезлый пес в пыли
Следил за нами зло и тупо,
Чтоб, улучив момент, вновь подобрать с земли
Кусок, оторванный от трупа.
- Но ведь и вам смердеть, как мерзкий тот скелет,
Как та гниющая зараза,
Звезда моих очей, души моей рассвет,
Царица страсти и экстаза!
Такой вы будете, когда, под женский вой,
В приюте, что дощат и тесен,
Вы успокоитесь под пышною травой
Кормить прожорливую плесень.
Скажите же червям, что страстно иссосут
Ваш облик, как огонь - поленья,
Что я сберег векам и душу и сосуд
Моей любви, добычи тленья!
Падаль
Ты помнишь, жизнь моя, как позднею весною,
Когда так ласкова заря

Нам падаль жалкая предстала в луже гноя
На жестком ложе пустыря?
Наглей распутницы, желаньем распаленной,
Раскинув ноги напоказ,
И тупо выставив распаренное лоно,
Она врасплох застигла нас.
А солнце жгло ее, частицу за частицей
Варило, сцеживая муть,
Чтобы единое расторгнуть и сторицей
Природе-матери вернуть.
И к небесам уже проклюнулись из тела
Скелета белые цветы.
Дыша их запахом, ты еле одолела
Внезапный приступ дурноты.
Рой мух на падали шуршал, как покрывало,
Сочились черви из нее,
И в черной жиже их, казалось, оживало
Разворошенное гнилье.
Все это плавилось, текло и шелестело,
Подобье вздоха затаив,
И словно множилось расплеснутое тело,
Как наступающий прилив.
И в этом хаосе то странный гул хорала
Стихал, как ветер и волна,
То следом, чудилось, там веялка играла
Ритмичным шорохом зерна.
А формы таяли, как сон, как отголосок,
Как выцветает полотно,
Где блекнет замысел - и завершить набросок
Одной лишь памяти дано.
Собака тощая, косясь на наши спины,
Трусливо щерилась вдали
И караулила, чтоб долю мертвечины
Успеть похитить у земли.
И ты, любовь моя, таким же трупным ядом
Насытишь землю эту всласть,
И ты, звезда моя, разъятая распадом,
И ты, судьба моя и страсть!
И ты, красавица, и ты покинешь вскоре

Цветеньем высветленный дол
И в мире тления неутолимой своре
Пойдешь на пиршественный стол!
Когда голодный червь вопьется поцелуем,
Скажи нахлебнику могил,
Что я от гибели, которой не минуем,
Твое дыханье сохранил.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)